

Ночью тёмной, ночью длинной в тихой комнате каминной
Над коллекцией старинной задремал я, как назло.

Вдруг в окне сверкнуло что-то и раздался стук. Дремота
Вмиг с меня слетела. Кто-то бился в двери тяжело.

Может, это свет из бездны или призрак бестелесный?

«Призрак!» — звякнуло стекло.

Да, я помню: в дрёме млечной плыл декабрь бесконечный,
Посреди дороги вечной стыли звёздные стада.

Тлел в камине красный гребень, тьма свои двоила крепи,

А рассвет застрял на небе, будто канул на года.

Думал я в минуты горя о любимой — о Леноре,

Шторы красные молчали, только чью-то тень качали,
И душа моя в печали замирала в тишине.
Страх невиданный, крылатый, будто тайный соглядатай,
Приковал меня, проклятый, не давал подняться мне.
Кто стучится в дом — разбойник? Призрак, гость или покойник?
Кто стучится в сердце мне?

Словно бубен, сердце билось, тишиною тьма давилась,
Я сказал: «Имейте милость, покажитесь, тайный гость!»
Задремал я над судьбою или плакал над собою,
Проглядел в тоске-запое — гостя я, как псина — кость...»
Дверь жилища приоткрыл я, промелькнули чьи-то крылья —
Разглядеть не удалось...

На крыльце — на тёмных плитах — шевелился бездны выдох.
В долгих чёрных монолитах пребывала тишина.
Я молчал, душа молчала, с тьмою жизнь мою венчала.
В страхе сердце прокричало: «Без Лены жизнь темна!»
И ответило мне эхо сатанинским долгим смехом:
«Здесь Лена! Здесь она!»

Я вернулся в дом, в обитель. Чёрт — моих несчастий зритель.
Это он меня увидел в окнах дома моего?
Я к портьеру прислонился, будто в щель земли забился,
Ком теней в мой дом ввалился, взяв себя из ничего,
Или ветер с толку сбился и к моей душе прибился...
Ветер, больше никого.

Буйный ветер стукнул ставней, из-за шторы с видом Фавна
Вышел Ворон стародавний, гордый, важный, будто лорд.
Было столько в нём бравады и угрюмой, злой услады,
Он взлетел на бюст Паллады, непонятной силой горд.
Крылья вскинулись отдельно, засвистела запредельность...
Кто он — ворон или чёрт?

В темноте светилась птица, будто в ней ожили лица...
Неужели ворон снится? — прошептал я, как вода.
Или это тьма светила? Я спросил, собравши силы:
— Ворон-чёрт, Лены милой ты не видел ли следа?»
Гордый Ворон встрепенулся, на меня не оглянулся,
Крикнул Ворон: «Никогда».

Мне осталось удивиться: наважденье или птица
В странной комнате-темнице отвечает без труда.
Разве сердце согласится, чтоб с потерей смириться?
Может быть, явилась птица, чтоб позвать меня туда,
Где ночная мгла клубится, где Лены свет таятся.
Ворон каркнул: «Никогда».

И в меня, как бездна, глядя, он крутился на Палладе,
Бюст качался, с ним не сладив, будто падал в никуда.
Я хрипел: — Друзья-повесы все ушли, остались бесы!
Моё сердце из железа, но и в нём сквозит беда.
Неужели счастье минет и меня Господь покинет?

Ворон молвил: «Никогда».

Странный ворон был угрюмым и наделал много шума...
Слава Богу! — я подумал, он сказал мне: «Никогда».
Он страдальцев утешает, Божьей веры не лишает...
Пусть кому-то жить мешает, но мешает не всегда.
Вон, прикрыв немые вежды, он во мне не сжѐг надежды,
Что исчезла на года.

Чѐрной бездны не пугаясь, к вещи птице придвигаясь,
И, вздыхая, будто каюсь, я на бархат сел тогда.
Обретя душою нежной то ли отдых безмятежный,
То ль во тьме полѐт безбрежный, я сказал: — Ты ворон, да!
Но вокруг дымились вещи и казался звук зловещим
В этом крике «Никогда!»

Полный трепетных догадок, до нечистой силы падок,
Оживавшим монстрам ада я шептал: — Сюда! Сюда!
Ворон медлил, выли выюшки, в пустоте звенели кружки,
К алой бархатной подушке прислонился я тогда...
К ней Ленора прикасалась, в темноте кривила алость,
Как убитая звезда.

Темнота под небом тесным озарилась повсеместно
И с камильницей небесной Серафим влетел сюда.
Я кричал: — Верни мне, Боже, ту, которой нет дороже,
Иль придѐт забвеньѐ, всё же, о Леноре навсегда?
Прекрати мои мученья! О, приди, приди забвеньѐ!
Каркнул Ворон «Никогда».

Я скорбел: — О Ворон мрачный, ты, наверное, палач мой?!
С шуткой чѐрной, неудачной — кем ты послан был сюда?
Из какой земли пустынной — беспросветною лавиной —
Ты влетел из ночи длинной в моѐ сердце навсегда?
И найду ли я забвеньѐ посреди земного тленья?
Крикнул Ворон «Никогда!»

Призрак ты, пророк иль птица, мне охота удавиться,
Но скажи мне, прежде, птица, только раз и навсегда:
В небесах, где свет играет, в золотых пределах Рая,
Отыщу ли я, сгорая, ту, которой нет следа?
Среди ангелов Ленору, может, я увижу скоро?
Ворон каркнул: «Никогда».

Я вскричал: — Умри, Иуда! Я надеялся на чудо!
Ты из бездны, ты оттуда, где безумство и беда.
Не хочу в тебя смотреть я, а хотел бы умереть я...
Исчезай, уйди в подклетья чёрной бездны навсегда!
Вынь свой коготь, клюв смердящий из души моей кричащей.
Гаркнул Ворон «Никогда».

Бюст Паллады. В доме пусто. Ворон — чёрной крови сгусток —
Крепко держит мрамор бюста и молчит... А боль тверда.
Вечность тёмная дымится, и зловещий демон, птица,
Всё сидит и не таится... Ворон замер — на года.
И душа моя — из боли, из моей проклятой доли
Не воспрянет никогда.

Перевёл с английского Владимир Скиф